

Мао Дунь
Сочинения в трех томах, т. 2

Редактор *Л. Урицкая*
Оформление художника *А. Коджак*
Художеств. редактор *Г. Кудрявцев*
Технич. редактор *Д. Ермоленко*
Корректор *Н. Манушина*

*

Сдано в набор 29/II 1956 г. Подписано
к печати 4/VI 1956 г. А06785.
Бум. $84 \times 108^{1/32}$ — 17,63 печ. л. = 28,9
усл. печ. л. 27,74 уч.-изд. л.
Тираж 90 000. Заказ № 1479. Цена 11 р.

Гослитиздат
Москва, Б-66. Ново-Басманная, 19.

*

Министерство культуры СССР
Главное управление полиграфической
промышленности
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Перевод *Вл. Рудмана*

Глава первая	7
Глава вторая	34
Глава третья	71
Глава четвертая	97
Глава пятая	123
Глава шестая	153
Глава седьмая	178
Глава восьмая	207
Глава девятая	243
Глава десятая	274
Глава одиннадцатая	306
Глава двенадцатая	334
Глава тринадцатая	364

Перевод *Л. Урицкой*

Глава четырнадцатая	390
Глава пятнадцатая	434
Глава шестнадцатая	466
Глава семнадцатая	490
Глава восемнадцатая	522
Глава девятнадцатая	550

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

МАО ДУНЬ

СОЧИНЕНИЯ

В ТРЕХ ТОМАХ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1956

МАО ДУНЬ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ ВТОРОЙ

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Роман

Перевод с китайского

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1956

П Е Р Е Д
РАССВЕТОМ

Р О М А Н

Глава первая

олнце только что скатилось за горизонт, мягкий ветерок порывисто дул в лицо. Мутная Сучжоу, переливаясь золотисто-зелеными бликами, легко и безмолвно текла на запад.

На Хуанпу незаметно начался вечерний прилив, и суда, стоявшие на якоре вдоль обоих берегов Сучжоу, поднимались все выше и выше. Палубы их уже на полфута выступали над причалами набережной. Из парка «Вайтань» доносилась музыка. Удары барабана, напоминающие треск поджариваемых бобов, звучали особенно отчетливо и бравурно. Вечерняя мгла, сливаясь с легким туманом, мягко окутывала высокую стальную арку моста Вайбайду, и, когда по мосту пробегали трамваи, провода, точно повисшие в воздухе, то и дело вспыхивали во тьме голубоватыми и зелеными искрами.

К востоку от моста виднелся Пудунский иностранный пакгауз; точно огромное чудовище, присевшее на корточки, он мигал во мраке множеством огненных глаз. На западной стороне с крыши какого-то здания европейской архитектуры ослепительно била в глаза огромная неоновая реклама. Излучая вокруг огненно-красное и синее сияние с зеленоватым фосфорическим отблеском, она возвещала:

«Light! Heat! Power!»¹

¹ Свет! Тепло! Энергия! (англ.)

В этот изумительный майский вечер три машины «ситроен» выпуска 1930 года, молнией пролетев через мост Вайбайду, свернули на запад и направились по Северо-Сучжоускому проспекту.

Они миновали участок Северо-Хэнаньского проспекта, который на запад от здания Главной торговой палаты в просторечии именуется «Железной улицей» и служит пристанью для мелких судов, курсирующих по реке, затем убавили скорость. Шофер первой машины, обернувшись к сидевшему рядом здоровенному детине в черных окрашенных шелковых брюках и рубашке навыпуск, вполголоса спросил:

— Старина Гуань! Это и есть пароходная компания «Дайшэнчан»?

— А как же! Забыл, что ли? — так же тихо ответил Гуань. — Твоя шлюха совсем задурила тебе голову. Смотри у меня!.. — Он обнажил крупные зубы, которые, казалось, могли перегрызть железный прут. Это был телохранитель¹.

Машины застопорили. Гуань выскочил, ощупал висевший у пояса браунинг, огляделся и, открыв дверцу, с воинственным видом стал сбоку. Из машины сначала высунулась голова с темнокоричневым, словно соевый соус, четырехугольным лицом, на котором выделялись густые черные брови и круглые глаза; все это лицо было усыпано прыщами.

Прочитав на фронтоне здания европейской архитектуры крупные иероглифы: «Пароходная компания «Дайшэнчан», человек спрыгнул с подножки и направился к двери. Гуань следовал по пятам.

— Скоро ли прибудет пароход «Юньфэй»? — надменно спросил обладатель темнокоричневого лица звучным и ясным голосом.

Был он лет сорока, могучего телосложения и внушительного вида, — с первого взгляда можно сказать — особа властная и привыкшая командовать.

Не успел он закончить своего вопроса, как все служащие конторы вскочили с мест, а один из них, длин-

¹ Многие китайские промышленники и банкиры нанимали себе телохранителей, обычно из числа боксеров.

ный и худощавый, с угодливой улыбкой кинулся навстречу:

— Скоро, скоро, господин У! Прошу присесть на минутку... Подайте господину чаю! — Он предупредительно подставил стул.

Мускулы на лице У Сунь-фу шевельнулись, изображая подобие улыбки. Он скользнул рассеянным взглядом по тощей фигуре и уставился в открытую дверь.

Машина его уже отъехала в сторону, а на ее место подкатила другая. Из нее вышли мужчина и женщина и тоже направились в контору. Мужчина с открытым простодушным белым лицом был коренаст и несколько тучен. Женщина казалась выше и квадратным лицом слегка напоминала У Сунь-фу, только лицо ее было более светлое, а кожа тонкая и нежная. Обоим перевалило за сорок, но женщине благодаря модному платью можно было дать не более тридцати лет.

Мужчина заговорил первый:

— Сунь-фу, тут подождем, что ли?

— Да, да, господин Ду Чжу-чжай! — с улыбкой вмешался худощавый, не дав У Сунь-фу ответить. — Уже был гудок... Мы послали на пристань людей. Как только пароход причалит, они дадут знать... Ждать придется не больше пяти минут, только пять минут...

— А! Фу-шэн, ты все еще здесь? Хорошо! Раз служишь, то нужно уж постоянно. Наш отец всегда говорил, что ты старательный. Сколько лет ты не видел отца? — спросила Фу-фан, жена Ду Чжу-чжай.

— В прошлом месяце, когда я был на родине, — быстро ответил худощавый, польщенный похвалой, — я имел честь засвидетельствовать вашему отцу свое почтение... Присядьте, пожалуйста, госпожа.

Он проворно принес еще два стула и, подставив их господину и даме, предложил чай и сигареты. Этот Фу-шэн, сын старого слуги отца У Сунь-фу, с детства отличался сообразительностью, и старый господин У поручил сыну устроить его в пароходную компанию «Дай-шэнчан».

Никто из прибывших не хотел садиться; все стоя смотрели на проспект. У входа спиной к двери располо-

жился похожий на тигра молодчик — телохранитель Ду Чжу-чжай; парень то и дело озирался по сторонам.

Наконец, госпожа Ду со вздохом опустилась на стул, поднесла к губам разрисованный шелковый платочек и повернулась к Сунь-фу.

— Брат, когда в прошлом году мы с Чжу-чжаем ездили на родину, чтобы привести в порядок могилы предков, мы тоже плыли на пароходе «Юньфэй». Это — быстроходное судно, мы ехали особым рейсом без остановок полдня. Но качка была такая ужасная, что все тело ныло. Сегодня папе тоже, очевидно, досталось, а ведь у него параплегия, половина тела совершенно не действует. Чжу-чжай, помнишь, в прошлом году папа, посидев на пароходе дольше обыкновенного, жаловался, что у него кружится голова.

Госпожа Ду остановилась, глаза ее слегка покраснели. Вздохнув, она хотела что-то добавить, но издали донесся пароходный гудок. В контору с криком вбежал человек:

— «Юньфэй» у пристани!

Госпожа Ду тотчас встала и взяла мужа под руку. В этот момент Фу-шэн стремительно бросился к выходу и, оглянувшись, крикнул:

— Господин У, господин Ду, госпожа Фу-фан, не спешите! Я прежде сбегая сам, устрою все, а потом попрошу вас.

Засуетились и другие служащие конторы. Послышались возгласы: «Носильщиков!» — и два коренастых парня принесли заранее приготовленное большое плетеное кресло.

У Сунь-фу выглянул на улицу.

— Фу-фан, — обратился он к сестре, — когда поедем домой, ты с батюшкой сядешь в машину номер восемнадцать восемьдесят девять. Сестренка Хуэй-фан поедет со мной, а Чжу-чжай возьмет А-сюаня.

Госпожа Ду кивнула и тоже выглянула. Губы ее зашевелились, шепча буддийскую молитву. Ду Чжу-чжай раскурил сигару и слегка улыбнулся шуруину, как бы приглашая: «Пошли».

В эту минуту вернулся Фу-шэн, хмурый и словно чем-то озабоченный.

— Вот неудача!.. У причала стоит сучжоуский буксир.

— Неважно. Пройдем на пристань и выясним! — перебил У Сунь-фу и вышел на улицу.

Телохранитель Гуань направился следом. Сзади шли супруги Ду и Фу-шэн. Телохранитель Ду Чжу-чжая, стоявший у входа, двинулся в арьергарде.

«Юньфэй» действительно пришвартовался к борту громоздкого буксира «Гунсычуань». Большое плетеное кресло уже внесли на бак «Юньфэя», и по сторонам кресла стояли коренастые носильщики. Пристань была тиха и безлюдна, лишь у трапа слышались громкие крики. Это служащие пароходной компании отгоняли рикш и лоточников, пытавшихся пробраться к пароходу.

Когда У Сунь-фу и его спутники поднялись на палубу буксира, старый господин У, поддерживаемый слугами, вышел из кают-компания и опустился в кресло. Подлетевший Фу-шэн жестами приказал носильщикам как можно осторожнее поднять старого господина. Носильщики бережно перенесли кресло на палубу буксира. Сын, дочь и зять поспешили к отцу.

Несмотря на усталость в пути, старик выглядел совсем неплохо, а на висках его проступили розовые пятна. Старый господин молча поглядел на родных, кивнул и закрыл глаза.

Хуэй-фан и ее брат А-сюань, прибывшие вместе с отцом, тем временем уже перебрались на палубу буксира.

— Как папа чувствовал себя в дороге? — вполголоса спросила Фу-фан, потянув за руку Хуэй-фан.

— Ничего, только все жаловался, что кружится голова.

— Скорее в машины! Фу-шэн, пойдی скажи, чтобы новая машина номер восемнадцать восемьдесят девять подъехала первой, — неторопливо распорядился У Сунь-фу.

Оставив женщин около старика, он с Ду Чжу-чжаем и А-сюанем спустился на берег. Подкатила машина номер восемнадцать восемьдесят девять. К ней поднесли кресло, и старика усадили в автомобиль. Госпожа Ду поместилась рядом с отцом. Почувствовав острый запах ее духов, старик открыл глаза.

— Фу-фан, это ты? Позови Хуэй-фан, Хуэй-фан!.. И А-сюаня...— дрожащим голосом попросил он.

Сидевший в последней машине У Сунь-фу, услышав это, нахмурился, но ничего не сказал. Капризы и упрямство старика были ему и Чжу-чжю хорошо известны.

Хуэй-фан и А-сюань вошли в машину отца. Фу-фан, не желавшая покидать старика, осталась. Сестры расположились по обе стороны старого господина, А-сюань примостился напротив Фу-фан. Раздался шум мотора, и машина номер восемнадцать восемьдесят девять тронулась.

— «Книгу небесного награждения и возмездия»! ¹— вдруг резко крикнул старый господин У.

То был странный крик, похожий на треск разрываемого шелка. В этом крике, казалось, вспыхнули последние остатки жизни. Потухшие глаза старика загорелись, пятна на висках из розовых стали темнокрасными, хотя губы его тряслись.

Шофер застопорил и испуганно оглянулся. Машины У Сунь-фу и Ду Чжу-чжю тоже остановились. Всеми овладело тревожное недоумение. Хуэй-фан сразу поняла, что нужно было отцу, и, заметив стоявшего поблизости Фу-шэна, подозвала его:

— Фу-шэн! Сбегай в кают-компанию и принеси «Книгу небесного награждения и возмездия» в желтом шелковом переплете.

С той поры как старый господин У, свалившись с лошади, поранил бедро и у него была парализована нижняя часть тела, он в течение двадцати с лишним лет благоговел перед этой книгой, ежегодно отдавал ее в печать для бесплатного распространения и, преисполненный почтительности к книге, собственноручно переписал один экземпляр для себя. Этот экземпляр стал его талисманом, с которым он не расставался даже во время сна.

Немного спустя Фу-шэн принес «Книгу небесного награждения и возмездия». Старый господин с почте-

¹ Одна из книг даосской религии, содержащая наставления о том, как небо награждает добродетель и карает порок.

нием положил ее себе на колени и снова закрыл глаза. На его сухих губах появилась спокойная улыбка.

— Поехали,— тихо приказала Фу-фан, и у нее вырвался вздох, но, откинувшись на пружинную подушку, она тоже невольно улыбнулась.

В этот момент машины, набирая скорость, покатили по Северо-Сучжоускому проспекту на восток, пролетели мост Вайбайду и вихрем помчались на юг. Это был рекорд скорости машин выпуска 1930 года — полмили в минуту.

* * *

Господин У сидел в автомобиле последнего образца, мчался по широким проспектам крупнейшего из городов Востока — Шанхая, насчитывающего три миллиона жителей, и держал на коленях «Книгу небесного награждения и возмездия», твердя в душе наставление бога литературы: «Из десяти тысяч скверн разврат — страшнейшая, из ста добродетелей сыновнее благочестие — первейшее». Это было разительным противоречием! И это противоречие еще более усугублялось благоговением, которое питал старый господин У к «Книге небесного награждения и возмездия», тем более что благоговение это было искренним и совсем не походило на «добродетель» шанхайского афериста.

А ведь еще каких-нибудь тридцать лет назад старик примыкал к «партии реформ»! Хотя дед его и отец были сановниками и пользовались щедрыми милостями двора, голова самого господина У в ту пору была набита революционными идеями. В столкновениях отцов с сыновьями, повсеместно тогда распространенных, господин У в молодые годы тоже сыграл свою роль. Если бы он не сорвался двадцать пять лет назад с седла во время тренировки, не повредил себе бедра, что вызвало паралич, и не потерял к тому же своей жены, он теперь с утра до вечера не держал бы в руках «Книгу небесного награждения и возмездия». Однако после перелома бедра молодость и бодрость как будто навсегда покинули господина У. В течение последующих двадцати пяти лет он и шагу не сделал из своего кабинета. За это время, кроме «Книги небесного награжде-

ния и возмездия», он не читал ничего: ни газет, ни книг. В течение двадцати пяти лет он не знал жизни, которая текла за стенами его кабинета.

Столкновение отца с сыном неизбежно повторилось и в следующем поколении. Если дед У Сунь-фу был наделен странностями и упрямством, то и отец пошел в этом отношении в деда. Свой кабинет он обратил в крепость, а «Книга небесного награждения и возмездия» стала его талисманом.

Старый У вот уже десять лет решительно отказывался помириться с сыном, и то, что он сидел сейчас в машине образца 1930 года, вовсе не свидетельствовало о компромиссе. Старик неоднократно заявлял, что скорее умрет, чем согласится увидеть оскорбляющую его глаза жизнь У Сунь-фу, порвавшего с лучшими принципами старины.

Старик категорически противился переезду в Шанхай, да и сын до последнего времени не настаивал на этом. Однако сейчас, когда местные бандиты уж слишком распоясались, а в соседней провинции коммунистическая Красная Армия выросла в грозную силу, распространяющуюся подобно степному пожару, оставлять отца на родине было безрассудно, и решение Сунь-фу перевезти старика в Шанхай свидетельствовало о его сыновней почтительности. Старый господин, правда, не верил, что местные бандиты или Красная Армия станут причинять вред ему, добродетельному старцу, поклоняющемуся богу литературы. Но что было делать, если он не мог ни садиться, ни укладываться спать, ни шагу сделать без посторонней помощи!

Старик волей-неволей позволил вынести себя из своей «крепости» на пароход «Юньфэй» и усадить в автомобиль, это страшное чудовище, о котором ничего не сказано у Конфуция!

Двадцать пять лет назад проклятый паралич помешал господину У стать членом «партии реформ» и заставил покориться отцу — сановнику двора; сейчас этот же паралич не позволил ему до конца предаться добродетели и вынудил подчиниться сыну, хозяину предприятий нового типа. Это было для старика настоящей трагедией.

Впрочем, в руках его еще оставался такой талисман,